
Андрей МАКАРОВ

СЕДЬМАЯ РЫБКА

Маленькая повесть

— Если ты не можешь проиграть, то это уже не игра, — сказал я сыну, глядя, как он в очередной раз расставляет белые шахматные фигуры по клеткам на своей стороне доски.

— Но ты всегда выигрываешь. Так скучно, — огорченно произнес отпрыск, ставя на доску ферзя.

— А ты хотел бы, чтобы я поддавался? Тогда бы ты заранее знал, что выиграешь. Тоже ведь было бы скучно? А так кто его знает — выиграешь или проиграешь. Это же игра. Вдруг я ошибусь...

— Ну да, вот ты и выигрываешь из-за моих ошибок. Если бы я не делал ошибок, ты бы никогда у меня не выиграл.

— Ничья — тоже результат.

— Плохой результат! Какой смысл играть, если никто не побеждает? Просто двигать фигурками по клеткам? Чтобы потом сложить обратно в ящик? Разве это весело? — возмутился мой семилетний спорщик.

— Так шахматы — серьезная игра, в ней думать требуется. Она не для веселья, — постарался объяснить я.

— Пап, а давай лошадь будет ходить еще и вот так, — и сын изобразил фигурой коня ход в большую букву «Г» из шести клеток.

— Нет. Так нельзя. У каждой фигуры в игре своя роль, и каждая ходит только по правилам, — пояснил я. — Разве что пешка, дойдя до конца доски, может стать любой фигурой, хоть королевой, и тогда она будет ходить уже по другим законам.

— Все равно скучно, — вздохнул мальчик. — Одни правила. А королева может стать обратно пешкой?

— В шахматах нет, — ответил я, усмехнувшись про себя: «В отличие от жизни...»

— Пап, а может, лучше в шашки поиграем этими же фигурками? И королева станет шашкой! Ах-ха-ха, — прыснул сын. — Вот умора! Давай, а? А еще лучше в «уголки»! Давай, пап?!

— Ладно, — теперь, сдаваясь, вздохнул уже я и вспомнил вдруг слова своего дяди: «Так лвы становятся мышами, а королевы — пешками».

* * *

Эта история началась поздним ноябрьским вечером, когда неожиданно на прикроватной тумбочке разразился трелью мой мобильник. На темном дисплее настольных часов светились зеленые цифры — 22:59. Звонил дядя Саша. Только он умел так точно

Андрей Викторович Макаров родился в 1976 году, образование высшее финансово-экономическое, второе образование МВА ВШМБ АНХ при Правительстве РФ. Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2021). Живет в Москве.

НЕВА 6'2023

выбирать момент — за минуту до того, когда нормальные люди уже могут оставить звонок без ответа. Дядя Саша, казалось, вообще никогда не делал лишних и неточных движений. Когда на даче назойливая муха покушалась на мамино варенье, он с невозмутимым видом, словно притаившийся в ветвях хамелеон, наблюдал за полетом нахалки и вдруг резким движением руки без промаха ловил ее на лету в кулак. Другие пытавшиеся повторить этот трюк родственники чаще всего оказывались либо без мухи, либо без варенья, опрокидывая чашку со сладкой массой на стол.

Дядя Саша предпочитал однотонную матовую кожаную обувь, которая у него была всегда тщательно ухожена, но при этом никогда не сверкала по-лакейски. Ложился и вставал он обычно рано.

— Доброго вечера, Олег!

— Доброго, дядь Саш!

— Не спишь?

— Нет еще.

— Как сам? Как семья?

— Да все хорошо. Понемножку.

— Как дети? Не болеют? Говорят, грипп уже всю атакует.

— Слава богу, все здоровы. Спасибо. Все, как обычно: школа, садик, секции.

А вы как?

— Давление иногда шалит, но что поделать — видимо, уже возраст. А так в норме.

Дело к тебе есть. Важное. Заглянешь завтра?

Завтра была суббота — выходной.

— Я вас всегда повидать рад, а уж если важно, то без вопросов... Во сколько?

— Как сможешь. Хоть с утра. Я ж ранняя птица.

— Еще бы! У вас и физзарядка, помнится, каждый день — без выходных... Если к десяти появлюсь, не поздно?

— Лады. Жду.

Трубка погасла. Я выключил звук мобильного и задумался: зачем это старому анахорету потребовался его современный племянник? Шкаф, что ли, передвинуть?..

* * *

...На следующее утро ровно в десять я звонил в обитую старомодным дерматином, но сверкающую хромом и никелем хитрых замочных скважин дверь. Дядя Саша открыл в темно-синем спортивном костюме. Расстегнутая куртка приоткрывала белоснежную футболку, под которой угадывалось тренированное поджарое тело.

— Позавтракаешь? У меня омлет! Раздевайся и проходи, — быстро пожав мне руку, родственник скрылся на кухне.

— Не откажусь, — крикнул я вслед, стягивая стеганный утепленный бомбер. Омлеты дяди Саши давно стали семейной легендой — готовил он их по-особенному: с луком, томатами-черри и твердым сыром.

Свои замызганные московской уличной жижей кроссовки я снял и поставил рядом с дядиной аккуратной почищенной обувью к стене на полированную керамическую плитку. Выложенный ей — черной и белой попеременно — небольшой участок у двери напоминал шахматную доску. Слово фигуры в начале партии, его черные туфли и ботинки выстроились на плитках строго в ряд, и каждая пара занимала точно один квадрат. А может, наоборот, это шахматные фигуры временно отлучились в перерыве игры, оставив свою обувь на предназначенных им клетках. После плитки в коридоре начинался добротный дубовый паркет, по которому я, не заморачиваясь тапочками, проследовал в носках на кухню.

- Кофе? — спросил дядя, не оборачиваясь и продолжая колдовать у плиты.
- Ваш фирменный?
- А то! У такого старого пня, как я, радостей всего ничего. Густой кофе да правильный омлет. Как в лучших домах Лондона, а также, между прочим, и Парижа.
- Верю. Кому и знать, дядь Саш, как не вам.

Дядя Саша, или Александр Генрихович Кригер, приходился двоюродным братом моей маме. Он был старше ее на десять лет и недавно перешагнул порог семидесятилетия. Знал я о нем немного: кажется, он окончил военный институт иностранных языков, после служил переводчиком в разных европейских и экзотических странах, даже в Анголе пробыл какое-то время. Теперь уже несколько лет пенсионерствовал. В его манере поведения сквозило что-то «не наше», заграничное, особенное, невольное вызывавшее в обычном советском россияnine инстинктивное уважение. Говорил он нечасто и немного, но каждое его слово все — в том числе и я — всегда слушали с повышенным вниманием.

Может быть, именно это стало причиной того, что семьи у дяди Саши не состоялось — не смогла бы с ним ужиться ни одна словоохотливая и суетливая тетка. А времени найти подходящую спутницу жизни из-за постоянных командировок, видимо, так и не нашлось.

Свободный от женских рук и амбиций, быт дяди Саши был оптимален для любящего себя и разумный комфорт холостяка. «Однушка», выделенная ему когда-то государством, располагалась на севере Москвы в стандартном семнадцатизэтажном панельном доме. Румынская стенка из серии советского дефицита была забита не посудой, а томами русской и зарубежной классики. С потускневшими переплетами диссонировала только немецкая двойка «Grundig» с кассетным видеомagneтофоном и телевизором. Напротив выпуклого экрана ожидаемо располагался диван-книжка, по-гостиничному накрытый бордовым жаккардовым покрывалом. У окна поблескивал лаком письменный стол с настольной зеленой лампой того стиля, какой встречается чаще в старых библиотеках или номенклатурных кабинетах. На столе всегда присутствовали закрытый от посторонних глаз тонкий ноутбук и какой-нибудь потрепанный томик стихов с вычурной закладкой. А вот чего в комнате никогда не было — это пыли.

Если бы обстановку в доме создавала женщина, дядин телевизор был бы, скорее всего, накрыт кружевной салфеткой — за малой востребованностью. Его почти не включали. На досуге дядя Саша перечитывал любимую классику или разгадывал на кухне (поближе к чаю) толстые сборники «судоку». Врач ведомственной поликлиники посоветовал их ему для поддержания тонуса мозговой деятельности. Отдельное место в стенке занимала полка с книгами на иностранных языках — преимущественно детективами. Потрепанные корешки «rocket editions» свидетельствовали, что их перечитывали не реже, чем классиков в твердых переплетах.

В хорошую погоду дядя делал зарядку на спортивной площадке во дворе дома, а в ненастье и мороз — на акриловом коврикe в комнате. Неприхотливость и размеренность быта отражались на всем, в том числе и на гастрономических вкусах пожилого человека. Порой казалось, что фирменный дядин омлет и кофе являются постоянными неизменными блюдами его завтраков, а может быть, и обедов, а то и ужинов. Рецепт омлета, по словам дяди, его научил какой-то француз, хотя я всегда подозревал, что способ взбалтывать яйца с помидорчиками и сыром был подцеплен пожилым гурманом в каком-нибудь отеле на Лазурном берегу. Омлет как-никак — не омары.

Раза четыре-пять в год дядя Саша пропадал на несколько недель — никто не знал куда, а расспрашивать было бесполезно — в ответ звучало стандартное: «В Тамбове рыбку ловил». Обиды интересующихся пропадали втуне — характер дядя имел стойкий, нордический.

Я вошел на кухню и сел за стол. Со стены напротив на меня, будто судьи в судебном заседании, взирали пустыми узкими глазницами три африканские маски. Левая была смолисто-черной с удлинненным заостренным подбородком, продолговатым узким носом, тонкими прямыми губами и обширным лбом, разделенным на квадраты слегка потускневшей черно-белой «шахматной» клеткой. Центральная — медно-вороненого цвета — походила на лицо грозного демона-воина: нахмуренные разметанные брови, искривленный вниз волевой рот, прямой нос римской формы. Правая была мертвенно-бела, зооморфна, имела острые ушки и раздувшиеся ноздри, а из ощерившегося рта ее торчал нелепый безобразный клык. Казалось, вся эта жутковатая троица смотрит на сидящего, проникая в его душу, и видит его насквозь таким, каков он есть на самом деле, со всеми его потрохами. Играть с ними в переглядки мне было неуютно — я смутился и опустил взгляд на свои руки, лежащие на тонкой, напоминающей настоящую скатерть клеенке. Узор на ней тоже был в мелкую черно-белую клетку. Занятно, но я никогда не видел, чтобы дядя играл в шахматы.

Дядя Саша ловко подбросил со сковороды в воздух омлет, виртуозно поймал его уже сложившимся пополам на тарелку и поставил передо мной. После налил из медной резной турки только что сваренный дымящийся кофе в белоснежную фарфоровую чашку.

— Вуаля! Как в лучших домах Лиссабона.

— Почему Лиссабона?

— Потому, что мы, Олег, едем туда.

— Зачем?

— Тебе же нужны деньги?

— Нужны.

— Ну вот, заработаешь. Тысяч десять баксов тебе хватит?

Деньги были нужны. Ипотека, автокредит. Оставалось узнать за что. Сумма натораживала своей значительностью.

— Вы меня пугаете, дядь Саш!

— Не дрейфы! Я стар, давление то и дело шалит, мне нужен помощник. Поработаешь курьером пару дней — не более того. Ничего криминального-экстремального. Просто в нашем деле даже курьеры неплохо зарабатывают.

— Честно? Без подвоха? — я пытливо уперся в его светло-серые глаза.

— А то! — выдержал он мой взгляд и с видимым удовольствием сделал большой глоток кофе из своей чашки, наслаждаясь обжигающим напитком. К своим годам дядя полностью поседел, но шевелюре его мог позавидовать и молодой. Серые волосы оставались по-прежнему густыми. Впрочем, густым и сильным оставался и дядин голос.

— Когда ехать-то? — спросил я.

— У тебя шенген есть?

— Есть.

— Тогда послезавтра. Готов?

Я чуть не поперхнулся. Кусок омлета не удержался на вилке и шлепнулся на клетчатую скатерть. Маски смотрели на мою неряшливую растерянность с немым укором.

— Так быстро?!

— А как? Заработать хочешь?

— Да.

— Значит, летим в понедельник. Я все остальное организую. Сбрось мне на емейл свой паспорт. Страницу с визой тоже.

— Хорошо. А мы надолго? Мне еще на работе отпроситься надо.

— Я же сказал — на несколько дней. Бери на всякий случай неделю.

- О'кей.
- Как омлет? Как кофе?
- Как всегда — супер! — ответил я, не понимая, что делать с упавшим куском омлета. Класть его обратно в тарелку я при дяде Саше стеснялся.
- Я тебе позвоню. Все скажу — когда и где вылет.
- Хорошо, дядь Саш. Точно все будет без проблем? Я же вам, как брату мамы, верю.
- Все будет путем, мой дорогой племянник. Не думай даже! — взяв тряпку, он ловко подхватил ею обмякший кусок омлета со скатерти и выбросил его в ведро, стоявшее в шкафчике под раковиной.

* * *

В Лиссабон мы прилетели после обеда. После промозглой грязной Москвы оказаться в наполненном океанской свежестью старинном городе было почти праздником. Европу я любил нежной любовью советского гражданина, попадающего из дыма Отечества в прозрачный воздух цивилизации. Мне уже удалось повидать много ее симпатичных городов и городков, но вот в столице Португалии я оказался впервые и предвкушал нескудное приключение. К тому же выгодное. Внутренний холодок приятно щекотал нервы.

Такси домчало нас в центр города к неприметному четырехэтажному желтому дому с коваными витиеватыми балкончиками, спрятавшемуся в узком проулке. В двух верхних этажах дома располагалась маленькая частная гостиница, где дядей Сашей был забронирован для нас номер. В холле мини-отеля ждал гостей хозяин — импозантный португалец лет пятидесяти в коричневых вельветовых брюках и бархатном сиреневом пиджаке.

— Good evening, my dear friends!¹ — приветствовал он нас по-английски.

— Boa noite!² — ответил ему дядя Саша и неожиданно для меня бегло продолжил разговор на португальском.

Хозяин удивленно вскинул брови, с удовольствием перебросился с дядей несколькими фразами и, подмигнув мне, дружелюбно улыбнулся.

— А вы что — и на португальском можете? — поинтересовался я у дяди.

— Ну так я же переводчиком работал. Ангола, если помнишь. Там как раз португальский в ходу, — ответил дядя Саша. — Давай паспорт.

В маленьком «ресепшн», разместившемся в небольшой комнате размером с кошачью конуру, португалец снял копию с моего документа и передал мне квиток, который, судя по всему, подтверждал оплату. Не зная языка, я все-таки разобрал, что заселение оформлено на меня. Имени дяди я на бумажке не увидел. «Наверное, так почему-то надо», — подумал я и лишние вопросы задавать постеснялся. На этом формальности закончились — хозяин лично помог отнести наши вещи и показал номер. То ли это означало повышенное его к нам уважение, то ли в штате маленького отеля должность портье отсутствовала.

Прямоугольная комната встретила нас оформлением в средиземноморском стиле. Белые, грубо оштукатуренные стены. На светлом потолке пять продольных деревянных балок коричневого цвета. С центральной из них свисал черный стальной шестигранный фонарь на три лампочки. Такие же фонари, но поменьше располагались над двумя добротными деревянными кроватями. Стену украшала обязательная узкая золотистая рама с картиной маслом. Стандартный для приморских городов морской сю-

¹ Добрый вечер, мои дорогие друзья! (англ.).

² Добрый вечер! (порт.).

жет изображал удирающую от марлина, взметнувшуюся в воздух стайку серебристых летучих рыбок с розовыми плавниками-крыльями. Водяные существа, а им летать охота. Меня всегда удивляли гибридные переходные формы. Впрочем, жить захочешь — полетишь. Но знают ли эти рыбки о хищных птицах?!

Все прочее убранство номера вполне вписывалось в евростандарт маленьких гостиниц: внушительная тумба с телевизором и встроенным холодильником; там же поднос с электрическим чайником, кружками, бокалами и приборами. Мореное прочное дерево. Как на морских галеонах. В стене у входа платяной шкаф. Его реечные дверцы напоминали внешние оконные створки местных домов. Тоже своего рода примета Европы: маленьким городкам мало места на улицах, и они проникают в комнаты. Даже столицы европейские и то больны этой манией расширения за счет жизненного пространства. Они вползают внутрь домов и живущих там людей.

Порой по небольшой детали убранства одной-единственной комнаты можно составить представление о всем населении города, а то и страны. В нашем номере мое внимание привлекли декоративные деревянные рыбки разного цвета и размера, подвешенные за хвосты вниз головой на грубой бечевке. Рыбок было семь штук, и они висели у стены над стеклянным столиком. Интересно — на что намек? Может, предостережение неплатежеспособным постояльцам?

Если нет шеи, то цепляют за хвосты. Интересно, если вешать не за шею, а за ноги головой вниз, долго ли человек проживет? В общем, комната была обставлена аутентично, чисто, со вкусом и смыслом.

Дядя Саша бросил свою пухлую дорожную сумку в шкаф и ушел в ванну. Вскоре он вернулся и, вытирая умытое лицо полотенцем, сказал мне:

— Ну что, поплыли ужинать.

— Было бы неплохо, — согласился я. — А то уже подсасывать начало.

* * *

Солнце уже почти зашло, добавляя напоследок стенам зданий пастельного цвета закатные кроваво-красные оттенки. Было сравнительно тепло — около шестнадцати градусов по Цельсию. Дядя Саша шагал уверенно — было ясно, что город ему давно и хорошо знаком. Попетляв немного по узким улочкам с неровной брусчаткой, мы вскоре выскочили на широкий оживленный бульвар, утопающий в южной зелени, со множеством фонтанов и пешеходных дорожек. Чем-то похоже на нашу Одессу, но ветвистые платаны и каштаны соседствовали здесь с высокими пальмами.

— Avenida da Liberdade, или проспект Свободы. Одна из главных улиц данного города, ну и самых дорогих, конечно, — пояснил дядя Саша.

В центре грубая брусчатка старых улочек сменилась ровной мозаично-мощенной мостовой, а изрисованные надписями и граффити стены домов — витринами дорогих магазинов известных брендов. Туда-сюда неспешно шли по своим делам люди. То и дело квакали клаксонами авто. Город менял дневную суету на вечернюю, желтея от подсветок домов, огней витрин и фонарей и пряча в сумраке охристые приметы осени и безжалостные следы времени.

Продвигаясь по бульвару, мы дошли до площади Реставраторов, пересекли ее и свернули на одну из боковых улочек. Из открытых кафе и ресторанов доносились музыка и оживленный говор. Пахло жареными каштанами, кукурузным хлебом, сладким медовым сиропом и какими-то специями. Наверху на балконах и веревочных сушилках сигнальными флагами свисало разноцветное белье. Странная форма экспибиционизма. Белье — домашнее и нижнее — многое может сказать о человеке и его

бытии. Особенно трогательно бюстье, по форме и размерам не уступающее гроту на паруснике. Паноптикум, не иначе. Соотечественникам трудно это понять: мы не привыкли выносить трусы из избы.

Вскоре дядя Саша привел нас к небольшому уютному ресторанчику, темным фасадом и белой вывеской над входом напоминавшему ирландский паб.

Внутри было людно. Большую и светлую часть заведения заполнила веселая компания за длинным, накрытым белой скатертью составным столом. Ужинали, похоже, по-семейному: среди сидящих были и дети, и старики. Остальные столики располагались в зоне приглушенного света — на них романтично мерцали маленькие зажженные свечные фонарики. У стены на высоком табурете, заменявшем сцену, перед микрофоном хриплым, «простуженным» голосом протяжно пел под гитару длинноволосый худой парень — исполнитель фаду³. Мы заняли последний свободный столик у окна.

— Boa noite! — поприветствовал нас подошедший молодой официант и передал каждому по небольшому, сложенному пополам меню.

— Russos? — поинтересовался он.

В ответ дядя Саша кивнул и что-то сказал по-португальски.

Официант удивился, но, почтительно склонив голову, ушел.

— Что будем есть? Вы же не заказали? Или как?

— Щас, подожди немного.

Из-за темной ширмы в дальнем углу к нам уже направлялся упитанный лысоватый мужичок лет шестидесяти в вязаном коричневом кардигане. Этаким Толстяк Мо из известного американского фильма. Он прищурился, присматриваясь, и, расплывшись на ходу в чеширской улыбке, заспешил к нашему столику.

— А вот и мой амиго Альфредо! Владелец этой таверны, — довольно произнес дядя Саша. Поднявшись и выйдя из-за стола, он протянул в приветственном жесте руки навстречу хозяину заведения.

Знакомцы крепко обнялись и расцеловались. Альфредо слегка отстранил от себя дядю Сашу, придерживая того за плечи, и придирчиво оглядел приятеля — было понятно, что они давно не виделись. Внезапно португалец потрепал себя пальцами за мочку уха и задорно воскликнул «Fish!». В ответ дядя поднял вверх большой палец. Толстяк расхохотался, жестом подозвал официанта и, наклонившись к тому, что-то нашептал.

За столик мы в результате уселись уже втроем, и пока дядя Саша о чем-то оживленно беседовал с Альфредо, официант подкатил целую тележку, уставленную всяческими закусками и заедками. На отдельном лафете к столу была торжественно доставлена пыльная бутылка портвейна «Уор'с». В центре белой этикетки виднелись цифры 1982 — год урожая и по странному совпадению год моего рождения. Пока официант проводил почетный ритуал обтирания темно-зеленого стекла от пыли и колдовал с антикварным пробочником, я полюбопытствовал у дяди, что означало трепание мочки уха, сопровождавшееся возгласом «Fish!».

— Восхищение он так свое выражает. Приколы местных кулинаров, — ухмыльнулся дядя Саша и подмигнул мне: — Будем сегодня пить вино, рожденное в один год с тобой! Знак судьбы, не правда ли?

— Ну да, символично, — согласился я и «включил философа»: — Повод подумать о скоротечности нашей жизни.

В глазах дяди мелькнуло серьезное, почти уважительное выражение. Официант разлил портвейн по бокалам, и дядя Саша, подняв фужер, произнес тост:

³ Фаду (порт. fado [ˈfadu]) — португальский музыкальный жанр. Буквально слово «фаду» означает «фатум», «судьба», доминантной эмоцией в произведениях является принятие горькой судьбы.

— За долгую и счастливую жизнь! Por uma vida longa e feliz!⁴

— Pe la amizade!⁵ — добавил Альфредо, чокаясь.

Длинноволосый певец затянул особенно надрывную фаду. Очень эмоционально. Казалось, еще немного, и он заплачет.

— О чем он поет? — спросил я дядю Сашу.

— Он поет о том, что когда-то он забыл о смерти, но она ему приснилась. И теперь его любовь к жизни разрушена, он живет в тоске, зная, что все в мире обратится в прах, все бессмысленно, но он верит, что Бог его не покинет и свет любви и мысли вырвется из объятий смерти, как ветер из глубоких штолен, потому что это то, ради чего стоит жить.

— Откуда такая печаль?

— Лиссабон — это порт, место, где люди издавна знают, что такое боль утрат, горечь одиночества, тоска по родине, отчаяние, и живут надеждой, надеждой на удачу и возвращение. Что не всегда получается. Memento mori.

— Вам нравится Лиссабон?

— Это красивый город. Как бывает красив золотой осенью лес перед тем, как сбросить листву. Потерявшие яркость красок потертые дома с бордовыми черепичными крышами. Чувствуешь здесь себя, как лист на осеннем дереве.

Через полчаса нам подали на черной доске тонкие розовые ломтики поджаренной свинины под каким-то необычным соусом с шампиньонами, фаршированными сыром, и зеленью. Видно было, что Альфредо старался угодить редкому гостю, как мог. По завершении трапезы он достал ручку и написал на обратной стороне ресторанной визитки какой-то телефон, после чего передал ее дяде Саше. «Valeu amigo!»⁶ — благодарно кивнул ему дядя. Я не видел, чтобы мы платили за ужин.

До отеля мы добирались гораздо дольше, чем шли от него до ресторана. Дядя Саша петлял по каким-то глухим безлюдным улочкам, то и дело останавливаясь, словно хотел перевести дух.

* * *

Наутро мы, позавтракав в небольшом кафе неподалеку от нашего отеля, двинулись в сторону площади Маркиза Помбала. Дядя Саша сказал, что от нее начинается самый крупный парк Лиссабона и мы обязательно должны его посетить. По дороге он зашел в небольшой продуктовый магазинчик, приобрел бутылочку минеральной воды, а еще взял там же зачем-то фирменный полиэтиленовый пакет.

По пути мы беседовали о всякой всячине, и я, больше чтобы поддержать общение, спросил дядю Сашу об истории его семьи. Он, иногда делая паузы, рассказал. Его отец и мать, как и мои дед с бабкой, были этническими немцами, жили в немецкой слободе Ансельмовка на Гомельщине в Белоруссии. Жили, пока в 1941 году их не вывезли сначала под Воронеж, а после в Новосибирскую область. Где-то на пересылках, на одной из узловых станций под Челябинском, он и родился. В январе 1942 года его отца, как и многих советских немцев, призвали в трудовые колонны, где предок бесследно и сгинул. Маму от мобилизации в так называемую «трудармию» спасло дядино рождение: с грудными детьми матерей все-таки не забирали. После окончания школы дядя Саша хотел поступить в институт на физмат — заниматься теоретической физикой, но его не приняли: помешало немецкое происхождение. Пришлось идти в армию. Благодаря своей прекрасной физической форме и природной поджарости

⁴ За долгую и счастливую жизнь! (порт.).

⁵ За дружбу! (порт.).

⁶ Спасибо, друг! (порт.).

он попал в воздушно-десантные войска. Отрубив в ВДВ положенные в те времена три года службы, дядя с полагавшейся ему теперь льготой на поступление и отличным знанием немецкого языка смог поступить на факультет военных переводчиков. Так его национальность и билингвальность определили в конце концов и профессию, и судьбу.

За разговором мы оказались около отеля «Флорида». Перед входом в него на бежевой мостовой контрастной черной брусчаткой были выложены название отеля и год его открытия — 1941. Дядя Саша остановился, усмехнулся и показал пальцем:

— Год моего рождения. Символично, не так ли? Как твой вчерашний портвейн. Давай зайдем. Посмотрим, как там сейчас.

В фойе отеля пол был выложен в шахматном порядке черной и белой глянцевой плиткой, достаточно крупной, чтобы человек поместился на клетке целиком, будто шахматная фигура. Я вспомнил прихожую в московской квартире дяди и про себя усмехнулся: «Чувствуйте себя ботинками, господа». Слева в зоне ожидания стояли изогнутые современные кресла, также контрастно черно-белые. Только клетки на них изгибались, превращая пространство в нечто фантастическое. Казалось, мы внезапно оказались в мире Зазеркалья Льюиса Кэрролла и сами стали вдруг фигурами на шахматной доске. Я сказал об этом дяде.

Он странно отреагировал: неожиданно повернулся ко мне, приподнял руки вверх и, стоя одной ногой на белой плитке, а другой — на черной, торжественно, словно пастырь на проповеди, изрек:

— И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

— Дядь Саш?! — пораженный, воскликнул я.

— Вот она, дорогой мой племянник, диалектика жизни, борьба и единство противоположностей, света и тьмы. Шалтай-болтай. Что наша жизнь? Игра! Мы не живем, а лишь играем роль и раз за разом меняем маски. Черную на белую, белую на черную. Нет ничего на черном белом свете. А вот алмазы есть. *Diamonds are forever!*⁷ Смотрел это кино?

— Нет, дядь Саша!

— Эх ты! — махнул он рукой. — Пошли отсюда. В парк утраченной Свободы.

— Почему утраченной?

— Потому что их центральный парк раньше назывался Парком Свободы, а после того, как до португальцев снизошел визитом очередной английский король, место переименовали в парк имени английского короля Эдуарда Седьмого. Вот скажи, разве может независимая нация позволить себе переименовать центральный парк своей столицы имени своей свободы в парк имени чужого короля?

Я не знал, что и ответить.

— Нечего сказать? То-то. Так нации становятся толпами, львы — мышами, а королевы — пешками!

* * *

В парке имени саксонского гостя дядя Саша некоторое время задумчиво стоял на каменной террасе смотровой площадки у балюстрады. От нее к площади Помбала, к возвышающемуся над ней на высоком светлом пьедестале темному памятнику маркизу, давшему площади свое имя, спускались геометрически строго посаженные и строго постриженные вечнозеленые кустарники, напоминавшие лабиринт. Лабиринты безопасней шахмат. Заблудиться в каждом можно только один раз.

⁷ Алмазы навсегда! (англ.).

Деревья боковых аллей уже подустали от осеннего золота. Подсохшие медово-огненные листья падали с них молча и неспешно. Цвета лета и осени, зеленое и желтое, живое и мертвое. Прямо на лужайке напротив смотровой площадки спали, тесно прижавшись к друг другу, два оборванных бомжа.

— Какой интересный город, не правда ли?

— Дядь Саша, если честно, Рим мне нравится больше!

— Ну, это, как говорится, дело вкуса, — усмехнулся дядя, всматриваясь в красные черепичные крыши, теснящиеся к просторной реке, впадавшей в океан. Яркое солнце било лучами прямо ему в лицо, заставляя щуриться. Этот прищур напомнил мне об африканских масках на его кухне. Внезапно он продекламировал, не отводя взгляда от залитого солнцем города:

Есть города, в которые нет возврата.

Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала. То
есть в них не проникнешь ни за какое золото.

Там всегда протекает река...

Он прервался и замолчал, словно подзабыл слова.

— Чьи это? — спросил я.

— Это Бродский, — ответил он и продолжил:

Там есть места, где припадал устами

тоже к устам и пером к листьям. И

там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;

там толпа говорит, осаждая трамвайный угол,

на языке человека, который убыл.

Дядя повернулся ко мне и, надев наполовину затемненные солнечные очки, висевшие до этого у него на воротах футболки, произнес:

— Тут прекрасная панорама. Тебе надо непременно сфотографироваться. Быть в Лиссабоне и не запечатлеть себя на фоне такого открыточного вида города — это, как минимум, опрометчиво. Не по-нашему, не по-японски. Давай-ка мне свой телефон — буду тебя фоткать! Турист без фото на память — и не турист вовсе.

Мы прошлись немного по парку. Дядя Саша то и дело меня «щелкал» на фоне местных достопримечательностей. Потом мы спустились обратно к площади Помбала и вновь очутились на проспекте Свободы.

— Теперь надо зайти в банк. Там я заберу кое-что из сейфовой ячейки. Ты посидишь в зале, подождешь меня, — негромко проинформировал на ходу дядя Саша, становясь вдруг серьезным.

— Как скажете.

— Пошли, — скомандовал он.

Банк назывался Banco Espírito Santo, в переводе на русский — Банк Святого Духа. Странное название для банка. Мимикрия менял. Их в дверь — они в окно. Древнейшая профессия. Может, даже древнее первой древнейшей. Нужное нам отделение оказалось рядом — на Rua Varata Salgueiro.

История в ресторанчике повторилась в банке: сначала дядя Саша поговорил с молодым клерком, и вскоре к нему вышел импозантный седой мужчина в дорогом коричневом костюме-тройке и ярко-бронзовом шелковом галстуке. На крючковатом носу у банкира поблескивали очки с оправой под драгоценный металл, а из кармана жилет-

ки нарочито свисала цепочка карманных часов, слишком, впрочем, яркая, чтобы быть золотой. Не хватало только острой бородки. «Странный персонаж, — подумал я. — По одежке банкир, а по аксессуарам — торговец кайфом». Почтительно поздоровавшись с дядей Сашей, гибрид банковского клерка и наркодилера сделал пригласительный жест рукой в глубину зала, и оба скрылись за внушительной дверью с магнитным замком.

Дядя Саша вышел примерно через полчаса. Теперь на его плече появилась небольшая кожаная сумка-портмоне. Он сделал мне знак рукой, и мы двинулись на улицу. Наш путь лежал обратно к аллеям проспекта Свободы.

Там, проходя мимо монумента Павшим в Первой мировой войне — Monumento aos Mortos da Grande Guerra, дядя Саша вдруг остановился и сказал мне:

— Начинается твоя работа, племянник. Запомни хорошо это место. Завтра ты должен будешь встретиться здесь с одним человеком. Кое-что ему передашь и кое-что у него заберешь. Что — я скажу тебе позже.

— Яволь, геноссе! — отчеканил я и огляделся, запоминая улицу.

Вскоре мы присели на свободную скамейку в тени сбрасывающего свою высохшую листву высокого платана. Дядя Саша повернулся ко мне и строго, словно отец сыну, сказал:

— Слушай внимательно. Сейчас ты отправишься в район Bairro Alto. Найдешь вот эту улицу, — он передал мне маленький листок с названием. — Это недалеко отсюда — минут двадцать пешком. Навигатор подскажет тебе маршрут.

— Ок.

— Там найдешь тату-салон «Red Route». Тебе нужна Кармен. Вообще говоря, никакая она не Кармен, а всего-то Лейла, но это неважно. По-русски говорит. Спросишь ее, можно ли купить у нее золотых рыбок. Она тебе должна ответить: «Смотря чем будешь платить». Если ответит иначе, извинись и сразу уходи. Если все будет нормально, покажешь ей вот это.

Он достал из кармана ветровки черный бархатный мешочек и незаметно передал его мне.

— Спрячь. Тут неограниченные алмазы. Она знает им цену. Отдай их ей — взамен она передаст тебе конверт с бумагами. Принесешь его мне. Вот тебе пакет для него.

Дядя Саша вручил мне мелко сложенный непрозрачный пакет, купленный утром в продуктовом магазине.

— Это очень ценные бумаги?

— Только для тех, кто знает, что с ними делать. Для непосвященного человека это просто обычные корпоративные документы.

— Мне надо их проверять?

— Нет, она отдаст все.

— Как я узнаю, что это точно она?

— Ну, ты вряд ли ошибешься, но на всякий случай у нее на одном запястье тату с двумя золотыми рыбками, а на другом — черная летучая мышь со звездами на крыльях.

— Она вас знает?

— Да. Но я не хочу с ней встречаться. Слишком много вопросов, на которые у меня нет ответов. Если спросит, где я — скажи: в номере, спину прихватило. Спросит, где остановились — скажи, в отеле «Флорида». Мы в него сегодня с тобой заходили. Будет спрашивать что-то еще — сошлись, что тебе некогда, и уходи.

— Мне нужно быть осторожным?

— Веди себя спокойно, естественно. Ты турист, вот и наслаждайся красотами и достопримечательностями старинного города. Главное, рот не разевай, тут полно карманников. Они на таких, как ты, туристов и охотятся.

— Ок.

- Тогда вперед. С Богом. Я буду ждать тебя в отеле. Найдешь к нему дорогу?
- Да, — кивнул я. — Навигатор, если что, подскажет.

* * *

Тату-салон я отыскал быстро. На небольшой улочке его трудно было не заметить. С высокой прямоугольной витрины на прохожих пялился огромный белый стилизованный череп-апликация. В его глазницах алели изображенные вместо зрачков ограненные кристаллы ярко-красного цвета. Над головой черепа витиеватыми буквами полукругом было выведено «Red Route Lisbon Tattoo», а внизу, под челюстью, толстой строгой готикой уточнялось: «Point of no return»⁸. Кроме того, над фасадом салона нависал длинный световой рекламный короб, где, наверное, для слабовидящих на красном фоне лепились гигантские объемные черные буквы «ТАТТОО». Стеклопанельная дверь в гостеприимное заведение была нараспашку.

Зайдя внутрь, я оказался в небольшой комнате с красным потолком и лаймо-лимонными стенами, на которых, словно картины в музее, теснились фотографии в разнокалиберных рамках. На снимках были запечатлены руки и другие части тела с нанесенными на них различными татуировками. Похожие фото бывают в делах об убийствах. Особенно в тех, где речь идет о расчлененке.

Усиливая готичность стиля, с потолка свисала массивная черная кованая люстра с восемью лампами-свечками. Их свет отражался в стоящих по бокам высоких, обрамленных золотом зеркалах, играл бликами на черной и белой квадратной глянцевой плитке, выложенной на полу в шахматном порядке, похожей на ту, что мы видели утром в отеле «Флорида», но только поменьше. Черно-алые бархатные кресла барочного стиля, уютящиеся у стен, пустовали. Рядом с ними на черном журнальном столике громоздились стопки модных журналов и папок-каталогов. В воздухе витал сложный сладковатый букет из запаха чернил, мускусного парфюма, сандалового дерева и табачного дыма. Забудь себя, всяк сюда входящий.

В дальнем левом углу возвышалась высокая металлическая стойка администратора, за которой вальяжно сидела на барном стуле молодая девица в рваной белой майке, увлеченно тыкавшая указательным пальцем в смартфон. Уши, губы, нос и брови ее были изрядно увешаны разнообразным пирсингом, а бледные худые предплечья почти полностью покрывали цветные татуировки. На шее у офис-герл болтались несколько разномастных стальных цепей с невнятными подвесками. Драпированный красным бархатным пологом проход за ее спиной вел в соседнее помещение, где сквозь проем просматривалось профессиональное косметическое оборудование: кресла, лампы, орудия истязаний. В правом углу комнаты вороненая, как маузер Махно, винтовая лестница вела на второй этаж.

С усилием оторвав взгляд от телефона, девица поздоровалась со мной и что-то сказала на местном диалекте. В ответ я гордо произнес выученное «ola», а потом по-английски пояснил, что по-португальски ни бельмеса не понимаю, и спросил Кармен. Девица потеряла ко мне даже тот интерес, которого не было в начале нашего разговора, и, продолжая тыкать обгрызанным ногтем в экран смартфона, хрипло каркнула: «Carmen, tens uma visita!»⁹

«Já vou!»¹⁰ — послышался со второго этажа сиплый женский голос. Спустя минуту сверху, внимательно на ходу осматривая меня с ног до головы, неспешно спустилась по лестнице высокая статная женщина лет шестидесяти. Алые, вьющиеся вверх, словно языки пламени, узоры украшали ее длинное облегающее черное платье с короткими

⁸ Точка невозврата (англ.).

⁹ Кармен, у тебя гости! (порт.).

¹⁰ Иду! (порт.).

рукавами. Голову дамы туго обтягивала широкая бордовая бандана с белыми принтованными огурцами-пэйсли, дряблую шею опоясывали несколько ниток черных граненых бусин, а мочки ушей прикрывали клипсы с крупными выпуклыми камнями также веселого черного цвета. На ногах — открытые туфли с высокими красными каблуками и красным рантом. Картонный образ Кармен. Красное и черное — цвета крови и смерти. Если играть в рулетку, ставя на «красное» или «черное», то все равно проиграешь, потому что есть «зеро».

— Здравствуйте! Вы Кармен? — первым по-русски начал я, когда женщина подошла ко мне. Правильные черты ее лица, стройная фигура, сдержанные манеры и привычка держать осанку явно сохранились из прошлого — от видной, элегантной дамы.

— Добрый день! А кто меня спрашивает? — настороженно прищурилась дама. На запястье правой руки у нее распластала звездные крылья зубастая ночная мышь.

— Говорят, у вас можно купить золотых рыбок?

— Рыбок? Золотых... — она гордо приподняла вверх голову, поправила левой рукой бандану, и я увидел на левом запястье знак бесконечности в виде встретившихся друг с другом двух золотых рыбок. — Смотря чем будете платить!

— Я покажу.

— Ну пойдемте, покажете! — сказала Кармен и учтивым жестом из какой-то забытой эпохи пригласила меня в помещение с косметическим креслом.

Когда мы туда прошли, она легким изящным движением задернула за собой бархатный полог, властно указала мне на черный табурет и требовательно произнесла:

— Ну-с, молодой человек?

Я достал из внутреннего кармана куртки дядин черный мешочек, раскрыл его и аккуратно высыпал на стоящий у кресла стеклянный столик горсть полупрозрачных белых камней весом примерно в один-два карата каждый. Среди них неожиданно оказалась небольшая алмазная подвеска, стилизованная в виде золотой рыбки.

В выразительных крупных карих глазах Кармен на мгновение что-то вспыхнуло и тут же погасло. Она медленно присела на краешек косметического кресла, сложила руки на коленях. Теперь испанско-португальская красавица превратилась вдруг в стареющую армянскую женщину, уставшую от вечного ожидания счастья.

— Он в Лиссабоне? — вопрос прозвучал утверждением.

— Да.

— Где именно?

— В отеле. Сам не смог прийти — спину прихватило.

— Filho da puta!¹¹ Не захотел меня видеть. Ну да ладно. Теперь уже все равно. Жди тут. Сейчас вернусь.

Кармен поднялась и проскользнула за полог. Вскоре она вернулась и протянула мне плотно запечатанный бежевый конверт, укутанный для сохранности полиэтиленовой пленкой. Конверт был формата А4, без каких-либо надписей.

— Так все же — в какой гостинице поселились? — спросила она.

— Отель «Флорида».

— Напомните, где это?

— В центре, недалеко от площади Помбала.

— Ах, да. Ну еще бы. Прошлое его не отпускает, — Кармен немного склонила голову и, прикусив нижнюю губу, спросила: — Он знает, что я больна?

— Он мне ничего не говорил.

Женщина взяла со столика один из камней и, подняв его к лицу, осунувшемуся и землистому, посмотрела сначала алмаз на просвет, потом опустила глаза к полу и тихо проговорила:

¹¹ Сукин сын! (порт.).

— Мне немного осталось. Может, месяц, может, три. Химия не помогла, только волосы все выпали. И эти алмазы мне уже никак не помогут. Мы умрем, а они останутся... Diamonds are forever!¹² Mierde!¹³ Я стала похожа на ведьму, не так ли?

Темные двойные мешки под глазами, пигментные пятна на обвисших щеках, красноватые белки глаз — старость и болезнь не щадят никого. Но собеседница по-прежнему не поднимала глаз, и я понадеялся, что моя маленькая ложь проскочит.

— Что вы! У вас благородный облик, можно сказать, королевский.

Она горько улыбнулась.

— Спасибо, юноша, за откровенную лесть! Давно такого не слышала. Вы, часом, не дипломат?

— Нет.

— Жаль. И не офицер? Увы-увы...

— Хотите, чтобы я ему что-нибудь от вас передал?

— Нет, берите конверт и уходите, — твердо сказала Кармен и поднялась, давая понять, что аудиенция окончена. — Хотя... Скажите ему, что голос совести в человеке никуда не девается, его просто перестают слышать.

— Хорошо. Я передам.

— Уходите.

Я спрятал конверт в пакет из магазина, встал и хотел попрощаться, но растерялся: сказать ей «до свидания» было бы неверно — мы вряд ли еще увидимся, пожелать на прощание здоровья было бы в ее ситуации лицемерием, сказать «прощайте» показалось мне каким-то бестактным и фамильярным. Нужные слова пришли вдруг сами собой:

— Не поминайте его лихом. Не держите зла.

Она наконец подняла глаза, пристально взглянула на меня, иронично усмехнулась, внезапно коснулась своей рукой моего плеча, потом щеки и с какой-то странной, почти материнской нежностью произнесла:

— Удачи вам, meu querido!¹⁴ Берегите себя.

На пороге у входной двери я вдруг вспомнил, что хотел спросить, и обернулся. Кармен стояла, прислонившись к стене у красного бархатного полога, скрестив руки на груди. В одной руке она держала зажатым в кулаке черный бархатный мешочек, а в другой — неизвестно откуда взявшуюся китайскую опиумную трубку с резными латунными накладками.

— Почему «точка невозврата»?

— Это предупреждение. Тем, кто решил себя и свою судьбу раз и навсегда обозначить клеймом.

* * *

Когда я вернулся в номер, то нашел дядю Сашу вальяжно сидящим нога на ногу в кресле в одних трусах. Рядом с ним на столике, стояла початая уже на четверть бутылка элитного виски, пятнадцатилетнего «Macallan», и лежала закуска — сырное ассорти в круглой пластиковой магазинной коробочке и открытая упаковка с листиками хамона.

— Как все прошло? — спросил он, делая маленький глоток из круглого бокала с толстым тяжелым дном.

— Вот, — подошел я к нему и протянул ему пакет.

¹² Алмазы навсегда! (англ.).

¹³ Дерьмо! (исп.).

¹⁴ Мой дорогой (порт.).

Дядя Саша взял в руки пакет, небрежно достал из него конверт, аккуратно вскрыл его и вытащил бумаги. Это были какие-то отчеты, таблицы, дубликаты инвойсов с синими и красными печатями, банковские выписки и прочие документы. Слова «diamonds» и «Angola» в них встречались так часто, что невольно сразу обращали на себя внимание. Компромат всегда часть игры. Большой игры. И я вдруг тоже стал ее частью. Теперь буду плохо спать? Меня передернуло. Дядя Саша усмехнулся, кивнул головой и взглянул на меня серыми пронизательными глазами:

— Справился. Виски будешь?

— Не рановато ли, дядь Саш!

— Сегодня можно. Мне можно, а ты сам смотри. Нервы успокоит.

— Если только чуть-чуть, — из вежливости согласился я. — Вы ведь сказали, что у меня завтра встреча.

— Молодец, что помнишь. В полдень, у монумента Павшим войнам, который я тебе показывал сегодня, тебя будет ожидать человек. Мой старый знакомый. Ты его узнаешь: у него будет на поводке черно-серый бульдог, а в руке черная трость с золотым набалдашником. Он еще немного хромает на правую ногу. Одет будет в терракотовое пальто. Вы прогуляетесь с ним вместе по аллее. Когда он попросит, отдашь ему документы и заберешь у него кое-что для меня. Все просто. Запомнил?

— Да.

— Тогда тащи хайбол. Вон на тумбе, рядом с чайником.

Плеснув мне немного виски, он помолчал и спросил:

— Как она?

— Плохо, — ответил я. — Тяжело больна.

— Знаю, — буркнул дядя Саша. — Онкология. Ей недолго осталось.

— Вы поэтому не захотели ее видеть?

— Поэтому тоже. Воспоминания должны быть сладкими, а не горькими. Выпьем за ее здоровье. Хотя вряд ли ей это поможет.

Не чокаясь, он махом осушил свой бокал. Я тоже немного отпил. Кроме традиционных древесных ноток, я вскоре ощутил во рту приятный привкус засахаренных апельсинов и каких-то сладких специй.

— Чудный эликсир забвения, не правда ли? — грустно обронил дядя Саша. — Правда, слабее, чем опиум.

— Она просила вам передать, что голос совести в человеке никуда не девается, его просто перестают слышать.

— Нда? — дядя Саша уперся взглядом в свои худые белесые ноги с сухой шелушащейся кожей на пальцах. Вдруг он повернулся ко мне и посмотрел в глаза не мигая:

— А кому в этом мире есть дело до твоей совести? Кому она, на фиг, нужна? Тебе вот моя совесть нужна? Молчишь? Не кажется ли тебе странным, что обращение к твоей совести всегда соседствует с желанием что-то от тебя получить? Деньги, имущество, золото, бриллианты... и любовь... — он плеснул себе еще виски и сделал большой глоток. — Алмазы и любовь... В одном ряду. При обязательном участии совести. Алмазный треугольник. Diamonds. We're beautiful like diamonds in the sky!¹⁵ Кто их придумал, скажи? Кто придумал менять время человеческой жизни на эти побрякушки? Лукавый? Точно, лукавый. Так и совесть, получается, от него? Нет?! Совесть ведь нам ничего не прощает! А вот Бог — он добрый, он все простит и пострадает за нас. За все грехи наши тяжкие! А совесть беспощадна! Кайся не кайся. Бесполезно. От себя — вернее, от нее — не убежишь, не спрячешься. Согрешил — она будет ежедневно напоминать тебе о твоих прегрешениях, чтобы горел ты внутри адским пламенем до последнего вздоха или очерствел настолько, что перестал любить себя и других. Стал

¹⁵ Мы прекрасны, как бриллианты в небесах! (англ.).

вон как эти рыбки деревянные, висящие вниз головами, — он поднял руку и, не глядя, показал указательным пальцем вверх, над головой. — Висят и не трепещут. Останется только подставить деревянный ящик и перерезать бечевку.

— Так ведь перерезать волосок может лишь тот, кто его подвесил. То есть Бог, — вспомнил я классика.

— Ха-ха! — нарочито громко хохотнул дядя Саша. — А кто сказал, что смерть не может наступить еще при жизни, когда ты все еще дышишь, ходишь, ешь, спишь и совокупаешься? Кто сказал, что ты вообще живешь?!

Он взял ломтик хамона, запихал его себе в рот и кивнул мне:

— Хочешь свињи вяленой? Гранд резерв! Пятнадцать месяцев в каком-то подвале дозревало, догнивало до нужной, так сказать, кондиции. И кто мы после этого? Падальщики?

— Дядь Саш! Ну скажете тоже...

— А что?! — он взял кубик твердого сыра и ловко забросил себе в рот. — Знаешь, что такое «касумарцу»?

— Нет.

— Это сыр с червями, личинками мухи. В переводе с итальянского диалекта означает «гнилой сыр». Между прочим, национальное культурное достояние Сардинии. Сыр с опарышами! Стоит неизмеримо дороже, чем какой-нибудь «Рокфор». Нам, людям, настолько скучно, что нормальная еда нас уже не устраивает. Нам с плесенью и червями подавай.

— Тьфу, дядь Саш. Весь аппетит сейчас испортите. А нам бы еще поужинать.

— Дорогой, мы не только падальщики, — он наклонился ко мне, — мы еще и в некотором смысле каннибалы — охотимся на себе подобных. Ради алмазов, например. Меняем жизни на камни и за камни торгуем жизни! О как! Работоторговцы, получается? Мы не рабы, рабы не мы — мы производная от них.

Я молчал. Он продолжил:

— А ведь наверняка есть и иная судьба для человека. Стоит только постараться выйти за границы возможного и полететь над волнами, как вон эти летучие рыбки, — дядя Саша уставился на картину, висящую над кроватями. — Кто сказал, что рожденный плавать, летать не может?! Может, если захочет. Стоит только начать мечтать, как умеют мечтать дети. Станьте, как дети, и откроется вам Царствие Небесное. Так вроде Он говорил...

Он, крихтя, поднялся и ушел в ванную. Когда он возвращался, я вдруг заметил на его правом плече небольшую черную татуировку «крестики-нолики» — в центре игрового поля три на три клетки стоял крестик, а в правом верхнем углу нолик, другие клетки пустовали.

— Я не знал, что у вас есть татуировка, — удивленно произнес я.

— Эта? — дядя приподнял плечо и косил на тату глаза. — Было дело.

— Что она означает?

— Символ ничейной смерти и бессмысленности. Если ты умеешь играть и твой противник тоже, то ничего, кроме ничьей, в такой игре быть не может. Только ошибка другого позволит тебе победить. Надеяться на чужую ошибку — так себе стратегия. А значит, игра изначально не имеет смысла. Пустая ненужная трата времени.

— Почему вы не хотите сами встретиться с вашим знакомым, а посылаете меня? — Неясная тревога охватила меня.

— Тебе точно надо выпить. Для душевного равновесия. Все будет хорошо. Верь мне, — дядя Саша добавил виски в мой уже почти пустой бокал. — Некоторые встречи в жизни опасны. Опасны, потому что придется увидеться с прошлым, вспомнить то, что давно забыто, и разбередить старые раны. Но счета надо оплачивать и закры-

вать. Чувствую, пришло мое время собирать и раздавать камни, убрать за собой... Кстати, вот возьми сразу, как обещал.

Он поднял с пола лежащую рядом с его креслом сумку-портмоне из банка, достал из нее запечатанную банковскую пачку стодолларовых банкнот и положил перед мной на столик. Я взял ее в руки и пролистал купюры за уголки. Магически шуршащий звук перелистывания банкнот успокаивал, что бы ни говорил сейчас мой собеседник.

— Ну что, друг мой любезный? — цокнул языком дядя Саша. — Пошли искать место для ужина? Куплю тебе на ужин какого-нибудь сладкого вина... Шучу. После виски вино не комифо. Это снова Бродский из меня лезет.

Он взял с кровати лежащие на ней джинсы и стал их надевать, мурлыча себе под нос:

— И хорошо, что ты никем не связан и что любить тебя до смерти никто на свете не обязан...

* * *

— Если вы не можете проиграть, то это и не игра, — произнес мой собеседник, немного склонив голову и иронично взглянув мне в глаза. — Если нет риска внезапно умереть, то разве это жизнь? Правда, Бутчер?

Черно-серый французский бульдог, услышав свое имя, поднял темные слезящиеся глаза на хозяина, спрятал свой широкий розовый язык, характерно хрипнул и отчетливо клацнул челюстями. На толстом кожаном ошейнике пса болтался прямоугольный стальной солдатский жетон.

— Бутчер? Мясник?! Почему так назвали? — удивился я.

— В память о боевом друге. Бесстрашный парень был. Отчаянный. Однажды автомат у него в рейде заклинило, так он не спасовал, троих бешеных афрокроликов с мачете своим кишкодером враз положил. Молча. Как мясник. Так и заслужил это прозвище.

— Его, что ли, жетон? — высказал я догадку, кивнув на ошейник бульдога.

— Его, — вздохнул он и устремил взгляд в пронзительно-голубое небо, каким оно бывает поздней прохладной осенью. — Нас «Градами» накрыло. Один только жетон от него и остался. Вот оно как бывает... А ля гер ком а ля гер.

— А вы выиграли или проиграли?

— Проиграли. С того момента, когда в это ввязались. Мы все слишком поздно поняли, что ставкой в этой игре оказалась наша жизнь. Она прошла, как не бывала, и не оставила следа. А бал продолжается и без нас. Нынче там танцуют другие. Только вот один вопрос: зачем? Иногда мне кажется, что им просто скучно...

...Он появился ровно в двенадцать в аллее рядом с монументом Павшим воинам внезапно и как-то естественно, как будто гулял тут с собакой всегда. На вид — лет шестидесяти с лишним. Брюнет, с проседью на висках и на челке. Скуластое лицо гладко выбрито. В терракотовом кашемировом пальто, белой хлопковой водолазке и светло-коричневых брюках в мелкую шотландскую клетку. В руках элегантная черная трость. Рядом на коротком поводке черно-серый французский бульдог. В стройной сбитой фигуре скрытая сила и уверенность. Пальто расстегнуто. Шел он расслабленно, слегка прихрамывая на правую ногу, будто никуда не торопился. Истинный джентльмен. Свой среди чужих.

Когда он оказался подле монумента, я подошел к нему и поздоровался, сказал, что меня послал Александр. Он поздоровался в ответ, придирчиво оглядел меня, задержав на мгновение взгляд сначала на моей обуви, потом на магазинном пакете, который я небрежно, как авоську, держал в руках, снял с правой руки перчатку из тонкой коричневой кожи и протянул мне навстречу ладонь. Его рукопожатие оказалось легким, а рука — холодной. Он сказал, что нам нужно прогуляться и провести некоторое вре-

мя вместе, просто общаясь. Его замшевые броги темно-бронзового оттенка, тщательно ухоженные, выдавали педантичное внимание к деталям.

— И что теперь? — спросил я.

— А теперь я наслаждаюсь осенью, — ответил незнакомец, неспешно поглаживая золотистый набалдашник черной трости. — Созерцаю, как слетает с дерева лист. Всю свою короткую жизнь каждый лист готовится к такому полету. Только вот не взлетает, а слетает. Вниз. К земле. Как и мы. И теперь нам, как и ему, осталась одна забава — шуршать по вековым аллеям и служить украшением старого города.

В его серых глазах не было ни печали, ни грусти.

— А завтра... Завтра дворники сметут опавшие листья сначала в кучки, потом утрамбуют в черные мусорные мешки, чтобы вывезти на свалку.

— Но люди ведь не листья, — возразил я.

— Люди такие же легкомысленные. Им кажется, что они будут жить вечно. Любят деньги и себя в них... Вообще, человечество жило куда беззаботнее и даже, наверное, правильнее, пока ему не открылись алмазы. На алмазы в отличие от бумажек с цифрами клюют все. Кого пленяет отблеск сладкой жизни, кого острота обладания, а кого красота и гармония, заключенная в идеально ограненном камне. В одном кристалле преломляется вся Вселенная.

Поравнявшись с пустой скамейкой, он распахнул пальто и сделал мне знак прилечь. Сам он сел рядом и уверенным властным жестом выставил перед собой на брусчатку вертикально трость, придерживая ее рукой.

— Когда я вас увидел в аллее, вы мне вдруг напомнили Воланда. Так внезапно вы возникли. Словно ниоткуда, — сказал ему я. — Только какого-то совсем уж европейского Воланда.

— Воланда? Хм... Все мы пленники собственных иллюзий и чужих клише. Но я не Воланд. Я обыкновенный пенсионер, который коротает свой век в одиночестве на окраине Европы, в городе у океана. В городе, который уже давно встречает свою осень. Глаза у меня одинаковые и вместо кота собака. Все, что я хочу, это гулять со своим псом под этими каштанами, когда они зацветут, и слушать вечерами музыку Баха.

Бутчер словно услышал хозяина. Он недовольно фыркнул, пустил слюни и укоризненно взглянул на нас исподлобья. Незнакомец поднял левую руку и посмотрел на стальные часы. На бордовом циферблате минутная стрелка преодолела цифру шесть.

— Ну-с, молодой человек. Пора. Ваше подле вас на скамейке. А ваш фирменный пакет я, с вашего позволения, заберу.

На скамейке около моего бедра я увидел небольшой крафтовый пакетик с чем-то выпуклым внутри размером с почтовую открытку. Когда и откуда он успел его достать, я не заметил.

Незнакомец встал, оперевшись на трость.

— До свидания. Спасибо за беседу, — порывисто и искренне поблагодарил я его.

— Прощайте! — бросил он и зашагал вверх по аллее проспекта Свободы, прихрамывая на правую ногу и слегка размахивая тростью. Рядом с ним послушно семенил на кривых лапах среди опавших сухих листьев черно-серый бульдог.

* * *

Вернувшись в гостиницу, я обнаружил дядю лежащим на кровати. Глаза его были широко открыты, безжизненны и пусты. Лицо перекошено. Рот приоткрыт. Последний, казалось, презрительный взгляд дяди Саши был устремлен на стену с деревянными разноцветными рыбками. Одной из них, ярко-красной, на стене не было — бе-

чевка была перерезана, а сама рыбка была крепко зажата в его левой руке. Семь рыбок решили пообедать. Он поперхнулся, их осталось шесть. Дядя Саша был мертв. На постели рядом с ним стоял бокал с недопитым виски и лежала пара черно-белых фотографий.

На одной фотографии мой покойный родственник был заснят в военной камуфляжной форме с разгрузкой на груди и автоматом Калашникова в руках наперевес. Позади него стояла, положив правую руку ему на плечо и глядя куда-то в сторону, молодая девушка, также в полевой форме. Из-под ее мягкой форменной кепки с большим козырьком задорно торчали вьющиеся короткие темные волосы. Это была Кармен. Ее звали вроде Лейла, припомнил я слова дяди, но мне приятней было мысленно называть ее Кармен.

На другой фотографии дядя Саша и Кармен сидели вполоборота друг к другу на двухместном изящном диване с высокой спинкой и резным декором — такие украшают порой интерьеры дорогих гостиных. Дядя Саша был в нарядном черном фраке и черной бабочке, на двойных манжетах его белоснежной рубашки чернели запонки. Кармен — в темном облегающем платье-футляре с глубоким декольте и открытыми плечами, на руках атласные перчатки до локтя. Безупречно убранные назад вьющиеся волосы открывали ее красивые уши, на мочках которых блестели камнями длинные сережки-висюльки. Левое плечо платья украшала знакомая мне алмазная подвеска в форме золотой рыбки, а на груди Кармен висел на тонкой цепочке элегантный кулон с крупным камнем каплевидной формы. За диваном виднелась высокая, лаконично наряженная новогодняя елка. Фотографию сделал явно профессиональный фотограф и, вероятно, на каком-нибудь торжественном приеме.

И вот окончен бал, оборваны концы. Он неподвижен и мертв. И смерть уже поставила свое клеймо на бедную Кармен. Point of no return.

Я протер лицо ладонью, словно смахивая все случившееся, как страшный сон, и постарался взять себя в руки. Достал из внутреннего кармана ветровки крафтовый пакетик от утреннего незнакомца, аккуратно вскрыл его и вытащил содержимое. В моей руке оказался тот самый кулон на тонкой белой золотой цепочке, что я разглядел на фото. Это был крупный, размером с миндальное семечко, искусно ограненный алмаз, чистый и прозрачный, как горькая правда, в обрамлении из белого золота. Бриллиант переливался, мерцал в моих руках, словно утренняя капля росы, но и в нем я заметил контраст светлых и темных пятен. Свет и тень всегда идут рядом. Кроме подвески, в пакетике я обнаружил документы на вывоз подвески из страны.

Внезапно раздался легкий стук в дверь, заставивший меня вздрогнуть. Входная дверь осторожно распахнулась, и в номер несмело шагнул хозяин гостиницы. В руках он держал стилизованный под шахматную доску поднос, где находилось нечто прикрытое большим стальным колпаком.

— Oh! Senhor! — воскликнул растерянно португалец, не ожидавший, видимо, увидеть меня в номере, и, как бы извиняясь, продолжил: — I brought your friend's order¹⁶.

— What's it?¹⁷ — спросил я.

— It's an omelet! My best friend from the cafe nearby specially made it for your friend¹⁸. — Португалец изящным отработанным движением снял колпак с блюда и, довольный, расплылся в чеширской улыбке. Ему не хватало только по-официантски шаркнуть ножкой, подумал я. Утешительный приз в студию.

На черно-белой клетке подноса на белоснежной круглой тарелке красовался свежеприготовленный омлет. Среди пышной желтой массы под запекшейся стружкой твердого сыра краснели дольки томатов-черри.

¹⁶ Я принес заказ вашего друга (англ.).

¹⁷ Что это? (англ.).

¹⁸ Это омлет! Мой лучший друг из кафе поблизости специально сделал его для вашего друга (англ.).

— We prepared it the way your friend wanted¹⁹, — гордо произнес хозяин гостиницы.

— Too late. He's dead²⁰, — сказал я и усмехнулся про себя, вспомнив: «Да, человек смертен, но фокус в том, что он иногда внезапно смертен».

Португалец перевел взгляд на кровать, где безмолвно лежал дядя Саша. Глаза его медленно расширились, лицо окаменело, он резко побледнел и вдруг выронил поднос из рук.

Поднос рухнул на паркетный пол с оглушительным жестяным грохотом, запрыгал, задрезжал так, что его грохотание сначала напомнило мне звенящие перекаты весеннего грома, а после — громогласный сатанинский смех над странной, нелепо завершившейся судьбой человека. Стальной колпак укатился в дальний угол и, словно робкий, непричастный к случившемуся свидетель, тихо прислонился к стене. Тарелка треснула, разломилась на несколько крупных обломков. Омлет же разлетелся в ошметки, запачкав входную дверь, пол, низ кровати, на которой покоился дядя, и сверкающие свежим восковым кремом ботинки хозяина гостиницы.

— When did this happen?²¹ — растерянно воскликнул он.

— I don't know. When I arrived he was dead already²², — пояснил я.

— Oh, merda!²³ — вырвалось у португальца. — I'm so sorry!²⁴

Он вздохнул, взъерошил пятерней свои волосы, присел на корточки и с потерянным видом стал собирать руками осколки тарелки и крупные куски омлета на поднос. Вскоре шахматное поле подноса накрыло странного вида желто-белое месиво. Ошметки и осколки. Game over. Пора убрать за собой...

Я смотрел с высоты своего шестифутового роста на низкорослого португальца, который, сидя на корточках, казался в эту минуту совсем уж маленьким и неказистым. В бархатном сиреневом пиджаке с лакейским отливом и подкрашенными — с проседью у корней — волосами он был более похож на придворного шута, подбирающего остатки еды после окончания пирушки, нежели на хозяина европейской гостиницы. Интересно, а рост нации как-то коррелирует с утратой нацией своей значимости? Уменьшаются ли дети, если их отцы утрачивают величие? «Львы становятся мышами...»

Португалец поднял на меня глаза, хотел было что-то спросить, но в его карих зрачках внезапно блеснул тот странный огонек, какой бывает у черноглазых ворон или цыганок на базарной площади. Он нервно облизнул губы.

— I can help you sell this quickly and profitably²⁵, — хозяин гостиницы кивнул на мои руки, и я снова увидел перед собой знакомую маску на обретшей привычные черты физиономии. Прищурившись, голосом валютчика из девяностых, он доверительно добавил: — And safely! I know a proper man!²⁶

«Вот дерьмо! Mierda! — подумал я, только сейчас вспомнив про кулон в своих руках. — Правильно сказал дядя Саша — падальщики! Когда уходят львы, их место занимают не мыши, а крысы. Колумбы уплыли, а крысы сошли на берег. „Нет ничего на черном белом свете“. Алмазы только есть. Diamonds are forever!»

¹⁹ Мы приготовили его так, как хотел ваш друг (англ.).

²⁰ Слишком поздно. Он умер (англ.).

²¹ Когда это случилось? (англ.).

²² Я не знаю. Когда я пришел, он уже скончался (англ.).

²³ Ох, черт! (порт.).

²⁴ Мне так жаль! (англ.).

²⁵ Я могу помочь вам продать это быстро и выгодно (англ.).

²⁶ И безопасно! Я знаю правильного человека! (англ.).